

КРИСТИНА КАМАЕВА

ШЛЯПКА

РАССКАЗЫ

16+

Кристина Камаева

Шляпка. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Камаева К.

Шляпка. Сборник рассказов / К. Камаева — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Герои рассказов – молодые люди, вступающие во взрослую жизнь. У каждого из них – свои представления о счастье, сформированные родителями, друзьями, социумом, мечтами, и достаточно темперамента и настойчивости, чтобы осуществить честолюбивые замыслы. Но в реальности все идет не так, как задумано. Любимые изменяют, эпохальные романы не пишутся, дети заводятся не вовремя. Надо пройти искушения и страдания, набить синяков и шишек, чтобы понять, что у судьбы много сценариев. И лучший – припасен для того, кто доверяет своему сердцу.

© Камаева К., 2008

© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

Шляпка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Шляпка

Матери Олеси Ивановой и Антона Припечкина сговорились однажды породниться и соединить узами брака своих детей, когда придет срок.

Вера Власовна – рыжая, грубоватая дама, прижимала Олесю к огромному бюсту с неизменным возгласом: "Моя невестка пришла! – и потом добавляла. – Расти, расти красавица румяной да беленькой всем на радость". Позади нее топтался Антон, полноватый мальчик с пунцовыми щеками. Он почти всегда молчал и смущался. И не удивительно. Там, где находилась Вера Власовна, все остальные как-то стушевывались под натиском ее темперамента и становились незаметными, как будто она выкачивала из них всю жизненную силу, и взбодренная чужой кровью, похохатывала, искрилась довольством и жадой действий. Вера Власовна была директором центрального универмага и достойно справлялась с этой не женской работой.

Антон Олесе не нравился, но мысль о замужестве ее не пугала, потому что свадьба намечалась в неопределенном будущем, а думать о будущем у Олеси привычки не было.

Неля Владимировна, худошавая, уставшая от жизни женщина, вырастила Олесю одна, и далось ей это нелегко. Пришлось много работать, получить заочно второе высшее образование – экономическое, потому что с филологическим – хорошо устроиться она не смогла. Денег не хватало. Никто ей не помогал. Характер у нее выработался жесткий, расслабляться она не умела, и где-то в глубине своей сути затаила обиду на судьбу. Тратить свое время и душевные силы она предпочла бы не на борьбу с нуждой, а на тихий безмятежный досуг, хорошие книги, курорты и путешествия.

Когда она устроилась бухгалтером в центральном универмаге, материальные проблемы ушли на второй план, но привычка бурчать, выискивать подвохи, ожидать гадости от судьбы осталась. Больше всего на свете она боялась, что ее ненаглядной Олесе придется вкалывать так же, как ей. Неля Владимировна была убеждена, что изнурительный труд превращает женщину в тягловое животное, лишенное привлекательных качеств. Зарабатывать на жизнь должны мужчины, а женщина – настоящая, совершенная женщина, должна поднимать дух мужа, создавать уют в его жилище, вдохновлять его на подвиги и растить детей.

Олеся была симпатичной девочкой, с ладной фигурой, легкими соломенными кудрями и задорно вздернутым носиком, на котором весной высыпали чудесные редкие веснушки. Они ей очень шли. Синеглазая, с чистой кожей, вся она, от блестящих ногтей до маленьких ушек, была отмечена той красотой, которая не пугает мужчин, а, напротив, приманивает их, как нектар пчел. Но Неля Владимировна хорошо знала, что для благополучной жизни этого недостаточно. Олесе были присущи наивность, удивительная способность не замечать черную сторону жизни и беззаботность стрекозы из басни. Оберегаемая матерью от житейских проблем, Олеся так и не научилась ни распознавать их, ни решать. Из этого следовало, что позаботиться о себе она была не в состоянии, и Неля Владимировна чувствовала себя ответственной за устройство судьбы дочери.

Сын Веры Власовны, Антоша, казался ей блестящей партией для Олеси. Дочь тактично намекала, что Антон ей не по душе, и она не сможет его полюбить. Неля Владимировна отвечала, что любви романтической и пылкой в реальной жизни не бывает, тем более, не существует любви с первого взгляда. Чтобы полюбить человека, надо пожить с ним подольше, узнать, как следует, и просто привыкнуть к нему. Когда супруги начинают дорожить друг другом, тогда и возникает между ними настоящая привязанность. С Антоном Олесе будет надежно и спокойно: ни забот, ни тревог. Олеся соглашалась с матерью, но представить себя в объятиях Антона даже не пыталась.

Когда Олеся решила поступать в университет, на отделение французской филологии, Неля Владимировна засомневалась: направление не показалось ей перспективным. Вера Вла-совна, напротив, горячо поддержала будущую невестку. Найдёт она работу или нет, не важно, главное – получит интеллигентную профессию, и будет говорить по-французски, как благородная дама. Неля Владимировна была искренне благодарна Верочке за готовность принять Олеся в семью и обеспечить ей красивую жизнь.

Антону Олеся нравилась. Он был старше ее и уже окончил медицинский институт. Специальность проктолога, которую он выбрал, по мнению Олеси, была непривлекательной, и даже название вызывало у нее брезгливость. Было что-то в этой профессии приземленное, и обаяния Антону не прибавляло. Она бы предпочла быть женой нейрохирурга или, на худой конец – психотерапевта.

Но необходимо было принести какие-то жертвы ради возможности не обременять себя принудительным трудом на благо общества. Подруга говорила, что за все в этом мире надо платить. Олеся предпочла бы жить в мире, где не надо платить и жертвовать, но тут у нее не было выбора.

Шло время. Антон поступил в интернатуру, и вопрос о женитьбе встал остро. Было решено, что молодые отправятся вместе в короткое путешествие, чтобы лучше узнать друг друга и составить план дальнейших отношений.

Олеся запаниковала. До сих пор они общались поверхностно и не так уж часто, и то подобрать темы для разговоров было непросто. Девушку не увлекали байки из медицинской практики суженого. А теперь предстояло жить рядом с Антоном в незнакомом городе, где не так просто найти предлог, чтобы убежать.

При расставании мать со значением сказала, что надеется на благоразумие дочери.

Кошмар начался уже в поезде. "Тоже мне богатенькая семейка, – с тоскою думала Олеся, – могли бы на самолет билеты купить. Что я буду полдня с этим увальнем делать?" Поезд был фирменный, вагон мягкий, а купе на двоих. Антон помог ей снять плащ (уезжали в дождь, и мама заметила, что это хорошая примета). Поезд тронулся, и Олеся поежилась: "С подводной лодки не уйдешь".

Антон оказался неожиданно разговорчивым. Он признался, что давно мечтал оказаться с ней тет-а-тет, что она самая восхитительная девушка из всех, которых он когда-либо встречал, и что она, без сомнения, будет отличной женой. Объяснил, что он человек консервативный и хотел бы изложить свои взгляды на семейную жизнь, чтобы избежать недоразумений.

– Мои принципы многие находят старомодными, но я уверен, что ты все поймешь и оценишь. Я считаю, что муж в семье – хозяин и добытчик, он трудится на благо семьи. Жена – подруга и помощница и, конечно, хозяйка. Она держит дом в безупречном порядке, ласково встречает мужа и расспрашивает его о прошедшем рабочем дне.

Олеся представила, как она в кружевном переднике подливает Антону чай, подкладывает пирожок и живо интересуется, в какие бездны заглянул любимый на приеме. Подавив раздражение, она заставила себя слушать наставительную речь Антона.

– Супруги должны как можно больше времени посвящать друг другу. Мне бы хотелось проводить с тобой все свободное от работы время. Друзей у меня нет, только приятели, рыбалку, футбол я терпеть не могу, так что тебе не придется переживать, я всегда буду дома что-нибудь чинить, обустраивать и, конечно, доставлять тебе удовольствие.

Олеся глядела на расплывшуюся фигуру Антона, тяжелый подбородок, выпуклый над бровями лоб – все время хотелось его разгладить – и вспоминала анекдот, заканчивающийся словами: "нет, столько я не выпью". Он был всего на пять лет старше ее, но все в нем: и облик, и манера держаться и говорить, и костюм, – несли отпечаток солидности и тяжести, казалось, что маститый профессор читает ей лекцию. Он продолжал:

– Буду признателен тебе, если после свадьбы ты перестанешь встречаться со своими подругами. Лишние люди мешают семейному счастью, разносят сплетни, начинают наговаривать жене на мужа, мужу на жену и сеют раздор. Надеюсь, что общения со мной тебе будет достаточно.

– Мы что, совсем не будем никуда ходить? Будем сидеть дома? – дрожащим голосом спросила Олеся.

Антон рассмеялся.

– Ну что ты! Мы будем гулять по улицам в теплые дни, ходить в театры и в кино, в рестораны..., – он вдруг замялся. – Можно я возьму тебя за руку? – и, не дожидаясь разрешения, смущенно сжал ее руку в своей огромной ладони.

– Какие красивые пальчики!

Олеся рассеянно кивнула. Ей показалась нестерпимо глупой вся эта ситуация, необходимость сидеть напротив невыносимого Антона, который вдобавок мнет ее пальцы с томной улыбкой на лице. Но руку убрать она не решилась.

– Может, пойдем в ресторан? Выпьем шампанского? – предложила она бодрым голосом.

– Ты что, пьешь? – от его взгляда Олеся чуть не провалилась под складной столик.

– Ну, так... по большим праздникам. На Новый год, например.

Антон смягчился.

– Понимаешь, хочется с тобой поговорить, а в ресторане, среди людей, у меня не получится сказать тебе все, что я хочу. Давай лучше побудем здесь, хорошо?

– Отлично, – вымолвила Олеся, собрав последнюю вежливость. Рука в его ладони вспотела. – Я пойду в туалет, а потом продолжим. – Она почти силой вырвала руку у Антона и выскочила из купе. В кабинке девушка расплакалась от жалости к себе и подумала, что предпочла бы проехать остаток пути здесь, а не с человеком, которого прочили ей в мужья. "Соберись, – приказала она себе, – в конце концов, можно просто лечь спать, я не обязана его слушать...".

Вернувшись в купе, Олеся сообщила Антону, что она чувствует себя неважно – это была правда – и пожелала ему спокойной ночи. Она выразила желание спать на верхней полке, Антон не перечил. Он заботливо поинтересовался, не съела ли она чего-нибудь. Олеся заверила его, что все в полном порядке, но ее всегда тошнит в поездах. А вот самолеты она переносит намного лучше.

Девушка долго притворялась спящей. Раздражение против него клубилось, кипело, как вода в гейзере. "Ну почему я должна терпеть такого жениха? – злилась Олеся и тут же укоряла себя. – Разве виноват Антон в том, что так сильно не нравится мне?"

Она отвернулась к стене и, наконец, уснула. Во сне чьи-то руки аккуратно выкладывали кирпич за кирпичом, замуровывая ее в темной комнате и преграждая доступ к синему небу и теплой лужайке у дома. Ощущение было таким реальным, что Олеся начала задыхаться, и как бывает в таких случаях, не могла пошевелиться, намертво придавленная кирпичным одеялом. На ее счастье поезд дернулся со скрипом, и она избавилась от тяжелого сна.

Утром Олеся нежилась на верхней полке до тех пор, пока не пришло время сдавать белье. Антон настойчиво позвал ее выпить с ним кофе. При этом он выглядел таким довольным, как будто сам его сварил. Он суетился вокруг нее, как мамочка.

"Ну как научиться воспринимать его позитивно?" – думала Олеся.

Утро выдалось ярким и праздничным, город встретил их теплой летней погодой, что опять же было неплохой приметой. Олеся, вдохнув ощутимо морской воздух, решила, что она будет наслаждаться поездкой, не смотря ни на что.

Бросив вещи в гостинице и позавтракав, Олеся и Антон отправились бродить по улицам. Олеся никогда прежде не бывала в этом городе. Она шагала по проспекту, улавливая его непривычно чуждую ауру. Город не был похож на ее родной. Дома, люди, машины были пестрее,

улицы уже, светофоры мигали только желтыми огнями. Никто не обращал на них внимания. Несуетливые жители ее города шли по улицам чинно и неторопливо, а здешние – спешили, натыкались друг на друга и не просили прощения.

Если представить, что город – это живой организм, то этот казался существом необузданным, жадным до всякого рода ощущений, кровь в его жилах пульсировала быстрее, а ее привычный город на реке, в сравнении с этим, выглядел вялым и скромным. В то же время, то ли от сырости, выступающей уродливыми пятнами на боках расцвеченных домов, то ли от привкуса рыбы в воздухе, то ли от беспорядочных движений людей и машин создавалось ощущение нездоровья, разложения и тлена. "Это город, где рушатся моральные устои", – усмехнулась Олеся. Морской воздух кружил ей голову, она шла, как будто под хмельком.

Антон ворчал, что девушки одеты легкомысленно и вульгарно, а водители не знают правил движения. И оттого, что ему явно не по вкусу был этот город, Олеся все больше в него влюблялась. Надо было приехать сюда одной, без этого грузила.

Антон пыхтел, сопел и жаловался на жару. Им пришлось зайти на Торговую улицу, чтобы купить сандалии, потому что туфли натерли ему ноги. "Так, – оценила Олеся обилие всевозможных ларьков и павильонов, – а тут есть чем порадовать себя. Антон просто обязан купить что-нибудь своей невесте, которая так стоически терпит его присутствие".

Антон предложил ей чебурек, она отказалась, и он купил у торговца один для себя. Олеся отворачивалась от жующего кавалера к витринам, чтобы не видеть пятна жира на салфетке и не вдыхать острый запах лука.

Антон перемерил кучу сандалий. У Олеси потемнело в глазах от мельтешения обуви. Впрочем, один раз он чуть было не купил себе пару, но, спросив цену, начал так торговаться, что Олесе сделалось стыдно. "Он специально делает все, чтобы я его возненавидела", – обреченно вздохнула Олеся и вдруг увидела стенд с чудесными соломенными шляпками. Она была равнодушна к шляпкам, и тут же стала их примерять. Торговавший шляпами кавказец вовсе подбадривал ее комплиментами. Заметив это, Антон отвлекся, наконец, от сандалий и подошел к ней.

– Правда мне идет? – обернулась к нему Олеся.

Шляпка сидела превосходно, придавая ее облику пикантность, глаза ее возбужденно сияли.

– Мадам – настоящая парижанка! – откровенно восхищался продавец.

– Спасибо, – улыбнулась Олеся, и на щеках ее появились ямочки. – Давай возьмем? – обратилась она к Антону, не сомневаясь, что он согласится.

– Не знаю..., – Антон пожал плечами, – это, конечно, милая, но бесполезная вещь.

– Ну и что? – нахмурилась Олеся. – Всего семьсот рублей. И она мне нравится.

– Я считаю, что она тебе ни к чему.

Олеся была потрясена бестактностью и мелочностью человека, которого прочили ей в мужа. Она медленно сняла шляпку и дрожащими руками попробовала надеть ее обратно на стенд. Продавец, сочувственно глядя на нее, принял шляпку из ее рук. Олеся развернулась и быстро пошла, не разбирая дороги. Сердце яростно билось, во рту было сухо.

– Олеся, стой, – Антон догнал ее, – не расстраивайся. Ну, согласишься, никчемная вещь. Эти продавцы специально задуривают мозги, чтобы всучить, что попало. Хочешь, поедem в "Изумруд", и я куплю тебе кольцо в честь нашей помолвки?

Олеся зло взглянула на него и отчеканила.

– Помолвки не будет. И свадьбы не будет. Между нами все кончено раз и навсегда. И не смей больше за мной идти! – Она побежала.

Антон хотел догнать и успокоить ее, но вся улица и так уже с любопытством наблюдала этот спектакль. «Разве можно так расстраиваться из-за какой-то глупой шляпки? Все ее вещи в номере гостиницы, так что успокоится и сама придет. Еще извиняться будет», – рассуждал он.

Девушка шла быстрым шагом, почти бежала, машинально уворачиваясь от прохожих и машин, и не видела ничего вокруг; она возмущалась и удивлялась одновременно.

"Как такое могло произойти? Почему я так долго позволяла маме, Вере Власовне и Антону распоряжаться собой, принимать решения о своей судьбе? Я не хочу видеть Припечкина никогда", – она как будто подержала в руках скользкий морской огурец, а теперь хотела отмыться. Как хорошо, что она убежала, и эта постыдная игра в невесту кончилась.

Олеся очнулась в полутемном переходе, огляделась и только теперь услышала звуки гитары и увидела целую группу музыкантов-неформалов, расположившихся у лестницы. Люди сновали по переходу, лишь слегка замедляя шаг, чтобы взглянуть на колоритных ребят.

Высокий худощавый гитарист поднялся с плиточного пола, расправив не слишком впечатляющую грудную клетку, и неожиданно мощным голосом запел хорошо знакомую Олеся песню Чижа "О любви". Ей показалось, что он смотрит прямо на нее, и, пораженная его сильным, чистым голосом, она прислонилась к стене напротив и решила остаться и слушать.

Певцу подыгрывали на флейте и барабане, еще один парнишка подходил к прохожим со шляпой и протягивал ее таким изящным, полным достоинства, жестом, что люди терялись и без разговоров складывали в шляпу деньги. Но к Олеся этот парнишка не подошел, только сверкнул в ее сторону лукавым взглядом. Многие прохожие остановились и образовали полукруг возле музыкантов, уж очень неожиданно было услышать такой голос в подземном переходе. Олеся не различала лиц и фигур, полностью поглощенная пением.

Последовали песни "Снова поезд", "Дай мне напиток железнодорожной воды", "Самый быстрый самолет не поспевает за тобой". Девушке казалось, что он поет для нее.

Потом певец видимо устал, вернулся к группе, прислонил к стене гитару и откупорил бутылку пива. Собравшийся народ расходился по своим делам. Олеся же стояла у стены, как прикованная. Гитарист опять посмотрел на нее и, улыбнувшись, кивнул:

– Ну, иди сюда. – Олеся подошла с замирающим сердцем.

– Понравилось? – у него были удивительные глаза, прозрачные, голубые, казалось, они занимали половину смуглого худого лица. Смотрел он на нее в упор, было немного жутко, и в то же время хотелось ответить вызовом на вызов, и Олеся не потупила взора.

– Очень понравилось, – ответила она, – у тебя дар.

Он не отреагировал на комплимент ни улыбкой, ни словом, продолжая разглядывать ее, как будто, запоминая отдельные детали ее облика и только потом складывая из них общий портрет. Но она знала, что польстила ему.

– Как тебя зовут?

– Олеся, а тебя?

– Снегирь, – пожал он плечами, – впрочем, по-разному зовут.

– Снегирь, но пищит песни Чижа, – поддел его шустрый мальчик со шляпой.

Он был очень симпатичный, с ласковым взглядом и теплой улыбкой. И вел себя свободно, как дитя, которое знает, что ему все простится.

– Познакомься с Джельсомино, он вовсе не прост, у бесенка есть собственный апельсиновый сад в райских кущах.

– Где змеи подстерегают легкомысленных Ев, – продолжил плечистый рябой парень с замасленным хвостом. На нем была длинная роба из какой-то экзотической страны.

– А это Музунгу, продолжил представление своих друзей Снегирь. – Его так прозвали кенийцы за бледный цвет кожи, он некогда изучал суахили и африканскую кухню...

– Я знаю, как приготовить тридцать три блюда из зебры, – скромно заметил Музунгу.

– Но потом он с позором вылетел из института.

– Почему?

– Не проснулся к началу занятий.

– Если бы они посмотрели хоть толику моих снов, то тоже наплевали бы на занятия, – оправдывался Музунгу.

– Еще мы зовем его Чилим, – вставил Джельсомино.

– А что это значит?

– Темная, темная женщина! – в ужасе схватился за голову Музунгу.

– Я не учила суахили, – обиделась Олеся.

– Это на хинди, – поправил Снегирь, – волшебная трубка, леди, трубка мира.

– Хочешь? – он протянул ей толстую полторалитровую бутылку жигулевского пива, из которой только что пил сам.

Олеся заколебалась, пиво она не любила.

– Пей, пей, расслабишься, – подбадривали ее новые знакомые.

Она решилась и хлебнула. Пиво пошло на ура.

– А ты кто? – обратилась она к последнему из компании, молчавшему до сих пор толстому буряту с флейтой.

– Я Будда, – ответил он, ни секунды не колеблясь.

В такой компании было неловко назваться просто Олесей.

– Он не врет! – заверил Олеся Снегирь.

– Да, он похож на статуэтку смеющегося Будды. Я видела сегодня много таких на Торговой.

– Вылитая статуэтка! – согласился Снегирь.

– Это Будда Хотэй, – глубокомысленно заявил бурят, – бродяга, постигший значение дзен. Некогда в Китае, во времена династии Тан...

– Вы заболтались парни! – прервал его Джельсомино, – кто будет работать?

Содержимое шляпы пересыпали в плотный рюкзачок, настроили инструменты, и песни во имя весны продолжились.

Теперь Олеся была по другую сторону баррикад, уже не как зритель, а как участник уличного шоу. Нельзя сказать, что она ощущала себя "своей" в компании помятых, небритых музыкантов. Порой они говорили не очень понятные вещи. Прохожие приглядывались к ней, слишком ухоженной, чистой, пахнувшей дорогими духами, на контрастном фоне уличной богемы, и все-таки ей было легко и весело с ними, а с каждым глотком пива крепили крылья независимости и вседозволенности за спиной. Она перестала бояться, что Антон найдет ее и потребует вернуться.

– А что, мама тоже зовет тебя Джельсомино? – спросила она мальчишку, пока трое других играли умопомрачительный блюз. – Как твое настоящее имя?

– Мы с тобой не так близко знакомы, чтобы я сказал тебе свое настоящее имя, – возразил Джельсомино.

Потом они вместе проорали:

"А у Тани на флэту
Был старинный патефон,
Железная кровать и телефон..."

Шляпа наполнялась звонкими монетами. Такие каникулы Олесе и не снились.

– Ты поешь? – неожиданно схватил ее за руки Снегирь.

Она растерялась, голос у нее был, но чтобы так, перед всеми на улице...

– Какие песни знаешь? – не отступал Снегирь.

– Б.Г., наверное...

– "Северный ветер" знаешь?

– Да.

– Пошли.

Они встали друг против друга, и Снегирь кивнул ей ободряюще.

– Что я делаю? – Олеся пыталась унять дрожь в коленях, ей казалось, что все слова выско-
чили из головы. – Разве могу я, как он? – Она зажмурилась с первыми аккордами, но вовремя
вступила, не узнавая свой голос, вкладывая в пение свою окрыленную освобожденную душу.
Никогда прежде она не пела так хорошо.

"Но северный ветер мне друг,
Он хранит, то, что скрыто..."

Когда песню допели, Олеся едва дошла до стены и сползла вниз. Она выложились вся,
лишилась сил от волнения. Снегирь, наклонившись над ней, целовал ее руки.

– Ты поешь! Ты, правда, поешь! – восторженно шептал он.

Больше петь она не стала, слишком сильное получила впечатление. А Снегирь не уни-
мался. Звенел его голос, и прохожие замирали, слушая "Взгляни мне в глаза, не бойся, смелей",
В комнате с белым потолком", "Lady in Red".

– Ну, дает, – приговаривал Джельсомино, – останови его Олеся! Загубишь парня! Надо-
рвешься, Снегирь! – орал он неугомонному певцу.

Но певец и сам решил, что на сегодня достаточно; пошатываясь, он вернулся к компании
и сел рядом с Олесей. Они допили пиво и начали обсуждать, куда бы двинуться дальше. Олеся
помрачнела, ее хороший день кончился. Возвращаться в отель совсем не хотелось. Примут ли
ее эти люди, стоит ли ей идти с ними?

– Ну, расскажи нам, Олеся, – уловив смятение на ее лице, попросил Снегирь, – откуда
ты такая запредельная? Чего ты хочешь от пьяных индейцев? Может, в гости пригласишь?

Олеся неожиданно легко рассказала свою печальную повесть: о выгодном женихе, кото-
рого прогнала, о шляпке и о том, что ей, собственно, самой некуда идти, не то что приглашать
их в гости.

– Да он просто плебей! Извини за выражение, – воскликнул Джельсомино по окончании
ее рассказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.